

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

LINGUISTIC NOTES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-5-79-90>

Лингводискурсивные особенности использования местоимений в политическом дискурсе

(на материале политического ток-шоу «60 минут»)

Маргарита Михайловна Бинштейн¹, Надежда Александровна Самыличева²

^{1,2} *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия*

¹ *b.rita@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2005-3971>*

² *nasa85@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7072-8863>*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию особенностей функционирования местоимений в политическом дискурсе, анализу их роли в речи ведущих и гостей ток-шоу «60 минут», представляющего собой телевизионный дискуссионный жанр, функцией которого является формирование коллективной политической картины мира с помощью разработки и трансляции определенных образов и смыслов. Актуальность обусловлена потребностью не только в исследовании коммуникативных стратегий и тактик в речи политических акторов, но и в анализе влияния языковых средств на формирование и преобразование общественного мнения. Рассмотрение местоимений в функциональном аспекте позволяет выявить отличительные свойства, которые делают местоимения одним из наиболее эффективных средств речевого воздействия. Обладая манипулятивным потенциалом, слова данного морфологического класса способны участвовать в реализации многочисленных коммуникативных стратегий и тактик, включая стратегию на повышение и понижение, тактики самопрезентации, кооперации, безличного обвинения, дискредитации, оппозицию «свои–чужие». В процессе исследования используются такие методы, как дискурсивный анализ, приемы интерпретации и контекстуального анализа, коммуникативно-прагматический подход. Как показывает анализ материала, местоимения могут использоваться для навязывания определенных убеждений и мнений, для усиления чувства единства и солидарности между оратором и аудиторией, для смещения акцента в обсуждаемом событии, а также оказываются значимой характеристикой политика, отражающей его мировоззрение.

Ключевые слова: политический дискурс, речевое воздействие, местоимения, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, стратегия на повышение, стратегия на понижение

Для цитирования: Бинштейн М. М., Самыличева Н. А. Лингводискурсивные особенности использования местоимений в политическом дискурсе (на материале политического ток-шоу «60 минут») // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 5. С. 79–90. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-5-79-90>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Linguistic-discursive peculiarities of pronominal usage in political discourse (based on the material of the political talk show "60 Minutes")

Margarita M. Binshtein¹, Nadezhda A. Samylicheva²

^{1,2} *National Research Nizhny Novgorod Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia*

¹ *b.rita@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2005-3971>*

² *nasa85@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7072-8863>*

Abstract. This paper considers the specific features of the functioning of pronouns in political discourse. We analyse their role in the speech of the presenters and guests of the "60 Minutes" talk show. It belongs to the television discussion genre whose function is to form a collective political world picture by projecting and broadcasting certain images and meanings. The relevance of the research is due to the need not only for studying communication strategies and tactics in political actors' speech, but also for analysing the impact of linguistic means on public opinion formation and transformation. Considering pronouns in the functional aspect enables us to identify the characteristic features that make pronouns one of the most effective means of speech influence (persuasion). Possessing manipulative potential, words of this morphological class can participate in the implementation of numerous communicative strategies and tactics, including the upward and downward strategies, the tactics of self-presentation, cooperation, impersonal accusation, discrediting, and the "us-them" opposition. The research uses discourse analysis, interpretation and contextual analysis techniques, and the communicative-pragmatic approach. As the obtained data show, pronouns can be employed to impose certain beliefs and opinions, to enhance the sense of unity and solidarity between the speaker and the audience, to shift the emphasis in the event under discussion. Moreover, they also prove to be a significant characteristic of politicians, reflecting their worldview.

Keywords: political discourse, persuasion, pronouns, communicative strategy, communicative tactics, upward strategy, downward strategy

For citation: Binshtein M. M., Samylicheva N. A. Linguistic-discursive peculiarities of pronominal usage in political discourse (based on the material of the political talk show "60 Minutes"). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(5):79–90. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-5-79-90>.

Введение. С точки зрения современной лингвистики, политический дискурс — это материал изучения эффективности речевого воздействия на аудиторию, именно поэтому одной из главных проблем исследования политической коммуникации становится изучение речевых приемов, тактик и стратегий, позволяющих эффективно воздействовать на адресата, его модель мира и систему ценностей. Несмотря на многочисленность факторов, влияющих на эффективность политической речи, приоритетными в публичном общении являются языковые средства, обладающие манипулятивным потенциалом, и умение оратора ими пользоваться. В связи с этим важно исследовать единицы разных уровней языка (фонетического, лексического, грамматического, стилистического), которые лежат в основе привлечения внимания и оперирования различными смыслами.

Политический дискурс является неотъемлемой частью политической коммуникации, это определенный вид практической речевой деятельности, структурированной соответствующими текстами и обслуживающей политические процессы. Специфика анализа политического дискурса связана с особенностями отношений между дискурсом и политическим контекстом. Политическая коммуникация нацелена в первую очередь не на «отражение действительности, а на ее моделирование за счет отбора информации и способов подачи материала» [Скрипаль 2011:

36–38], иными словами, «в политической речи выбор слова часто диктуется требованием формирования общественного мнения по определенному вопросу» [Там же].

Следует учитывать, что сама языковая система не располагает специфическими «инструментами» речевого воздействия и речевой манипуляции, однако в языке есть средства с «определенным суггестивным (внушающим) потенциалом, которые, привлекаясь к реализации манипулятивных стратегий, становятся средствами манипуляции. Это могут быть не только лексико-фразеологические, но и грамматические средства» [Карамова 2016: 84]. Строго говоря, сама организация высказывания также несет прагматическую нагрузку, в частности дейксис — «использование так называемых “эгоцентрических слов”: Я, ТЫ, ЭТО, которые имеют только прагматическое значение, поскольку конкретные денотаты, обозначаемые ими, целиком и полностью зависят от ситуации» [Радбиль 2006: 10].

Местоимения играют важную роль в политическом дискурсе, реализуя функции оценки, убеждения и акцентирования внимания. Они могут использоваться как средство формирования групповой идентичности, выражения мировоззрения говорящего и манипуляции общественным мнением.

Местоимения традиционно характеризуются как часть речи, которая указывает на предметы, признаки и количества, но не называет их. А. М. Пешковский определял

местоимения как «слова с предельно-отвлеченным значением, субъективно-объективного типа» и включал их в группу «“указательных” слов с меняющимся применением и, следовательно, с меняющимся конкретным содержанием в зависимости от субъекта, обстановки, ситуации» [Пешковский 2001: 153–155].

В истории языкознания многие лингвисты признавали грамматическую неоднородность местоимений. Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба и другие ученые пришли к выводу, что местоимения не составляют особой части речи и «рассеяны по разным грамматическим категориям» [Виноградов 2001: 266]. В свою очередь, А. А. Шахматов, Л. А. Булаховский, А. Н. Гвоздев выделяли местоимение в особую часть речи, причисляя к ней слова с местоименной семантикой, которые способны замещать существительные, прилагательные и числительные. В последнее время наблюдается тенденция понимать частеречный объем местоимений более расширенно. Например, П. В. Чесноков выделяет местоимения категории состояния, которые употребляются в предикативной функции в безличных предложениях: *как, так, каково, таково, ничего* и др. [Чесноков 1992].

Местоимения выступают в качестве общих смысловых категорий, которые пронизывают множество языковых единиц, систематизируя и актуализируя в речи многообразные возможности их выражения. Так, одной из главных функций местоимений становится заместительная семантическая функция, которая выражается «в контекстуально-ситуативной конкретизации значений именных частей речи» [Сульниченко 2022: 29]. При этом семантическое своеобразие местоимений заключается в том, что они «задают тот или иной способ (уровень) представления (характеризации) актанта ситуации» [Селиверстова 1988: 32].

В то же время способность местоимений выступать в разных синтаксических функциях, «от члена предложения до средства организации структуры сложного синтаксического целого, позволяет данному лексико-семантическому классу демонстрировать разнообразные референциально-дейктические и референциально-анафорические возможности» [Лаврова 2020: 98].

Для местоимений характерно распределение по следующим «референциально-семантическим» классам: 1) **дейктические** местоимения отсылают к участникам речевого акта или к условиям речевой ситуации (корни слов *ты, тебя, твой, по-твоему* обозначают, что «мыслящий отождествляет предмет своей речи-мысли с адресатом, с предметом, к которому она обращена» [Пешковский 2001: 153]); 2) **анафорические** местоимения отсылают к высказыванию или к тексту, в состав которого оно входит (определятельное местоимение *такой* употребляется как «отвлеченное обозначение качества, свойства, называемого, указываемого в предшествующей или последующей речи»¹); 3) **кванторные** местоимения выражают денотативный статус, указывают на тип речевой соотнесенности слова с внеязыковой действительностью, соотносят имя с различными классами предметов и их признаков (например, с классом универсальных, всеобщих признаков: *все, любой, всякий*; класс слабоопределенных местоимений, отсылающих к объекту, который известен говорящему, но не слушающему: *кое-кто, некоторый, некий*) [Падучева 1985: 133–134].

Местоимения всех трех разрядов проявляют специфические качества «в конкретных случаях соотнесения текстов с действительностью, при этом для каждого разряда характерна также и своя сфера функционирования» [Урунова 2020: 111].

В различных типах дискурса местоимения приобретают дополнительные семантические функции, «перестают быть нейтральными средствами связи, их когнитивная и коммуникативная роль отражает свойства национального менталитета и связанных с ним традиций» [Синельникова 2020: 27]. В политической коммуникации слова данного класса используются для достижения различных целей, включая выражение оценки, создание круга «своих» и «чужих», придание содержанию высказывания общественного масштаба, установление контакта путем общения к адресату. Дейктические местоимения, «структурируя коммуникативный

¹ Здесь и далее толкование значений дано по: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

акт, обеспечивают контакт агитатора со слушателями. Кванторные местоимения обеспечивают масштаб обращения» [Урунова 2020: 112]. Анафорические местоимения ориентированы на внутреннюю структуру текста и отсылают к тому, о чем ранее говорил оратор. Подобное обращение к знаниям аудитории, полученным в ходе выступления, выполняет функцию убеждающего воздействия, поскольку позволяет говорящему подчеркнуть значимость отдельных тезисов и привлечь внимание слушателей. Более того, многократное повторение идеи обеспечивает принятие ее как истинной без рационального критического осмысления.

Местоимения могут менять собственное лексическое значение в зависимости от контекста, вызывать чувства единения или навязывать определенные убеждения. Например, использование местоимений *все, каждый, любой* создает впечатление, что высказанная мысль является всеобщим и широко распространенным мнением. Продуктивность местоимений обусловлена тем, что «в отличие от фигур речи и эмоционально окрашенных лексем они остаются обычными нейтральными словами, не привлекающими внимания, и в силу этого воздействуют на слушателей имплицитно и поэтому эффективно» [Там же: 110]. Дополнительные оттенки значения, а также стилистическая окраска отдельных форм делают местоимения языковым средством воздействия на общественное мнение.

Методы и материалы исследования. Цель исследования – функциональный анализ местоимений, которые регулярно употребляются в политическом дискурсе в речи политиков и общественных деятелей, анализ особенностей данного морфологического класса, позволяющих местоимениям актуализировать многочисленные коммуникативные стратегии и тактики в выступлениях ораторов.

Для достижения поставленной цели были использованы как общенаучные (описательный, классифицирующий), так и собственно лингвистические методы компонентного и лингвопрагматического анализа. Методологическую основу исследования составили метод функционально-прагматического анализа – с целью дать характеристику иллокутивной функции высказывания, т. е. эксплицитным и имплицитным средствам

выражения коммуникативной направленности; метод лингвистического контекстуального анализа – с целью выявления коммуникативных приемов и языковых средств, эксплицированных на разных уровнях структурной организации высказывания.

В качестве эмпирического материала исследования были проанализированы фрагменты выступлений ведущих и гостей политического ток-шоу «60 минут», высказывания, в которых местоимения реализуют функцию речевого воздействия на аудиторию. Будучи форматом, ориентированным на зрителя, политические ток-шоу активно стремятся взаимодействовать и устанавливать контакт с аудиторией, создавать интерактивную и вовлекающую атмосферу. Участники политических ток-шоу в своих выступлениях непосредственно обращаются к массовому адресату, ведут диалог, в котором пытаются убедить слушателя согласиться с позицией выступающего. В этих условиях употребление местоимений становится приемом, обеспечивающим совпадение интересов и взглядов в мире постоянных разногласий.

Теоретической базой статьи являются основные положения теории политического дискурса, в частности работа Т. А. ван Дейка «Дискурс и власть», в которой особое внимание уделяется роли лингвистических средств, используемых для установления власти и распространения идеологии.

Принято разграничивать два типа разговорного дискурса: первый – описание фактической реальности, второй – метадискурс, который предоставляет информацию о взаимоотношениях между участниками разговора, их коммуникативных ролях и других аспектах общения. С одной стороны, метадискурс – это «определенная форма использования языка, отбор морфем, слов и предложений. С другой стороны, помимо языковых форм, возникает роль проигрывания скрытых смыслов, извлекаемых из дискурсивного пространства» [Плотникова, Шавалиева 2017: 155]. Исследование политического метадискурса позволяет анализировать коммуникативные стратегии и тактики, используемые политическими акторами. Такой анализ может быть полезен для понимания динамики политической коммуникации и ее влияния на общественное сознание.

Кроме того, в исследовании использованы положения теории речевых актов как одного из важнейших разделов лингвистической прагматики, изучающей соотношение языка и его пользователей в ситуации речевого взаимодействия (Дж. Серль, П. Ф. Стросон, Г. Пол Грайс).

При анализе политических контекстов мы учитываем, что в речевых актах — целенаправленных речевых действиях — говорящий и адресат выступают как носители определенных, согласованных между собой социальных ролей или функций. В этом случае коммуникативная стратегия представляет собой совокупность мер по реализации речевых намерений говорящего, при разработке которых учитываются условия процесса общения. Использование той или иной стратегии зависит от иллюкутивного намерения оратора, коммуникативной ситуации общения, речевого жанра и т. д. Интересна, на наш взгляд, классификация В. И. Карасика, в которой не только представлены и обобщены категории прагмалингвистики, но и указаны внешние и внутренние характеристики речи: 1) участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики); 2) условия общения (сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда, пресуппозиции); 3) организация общения (мотивы, цели и стратегии, контроль общения и вариативность коммуникативных средств); 4) способы общения (тональность, стиль и жанр общения) [Карасик 2000: 20–5].

Описание процессов речевого планирования и контроля, приемов интерпретации действительности, способов и механизмов оказания речевого воздействия на адресата рассматриваются в работах О. С. Иссерс «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи», В. Е. Чернявской «Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия», О. Л. Михалевой «Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия». Внимание исследователей сосредоточено на наиболее эффективных коммуникативных приемах и языковых средствах, позволяющих реализовывать поставленные задачи при проведении коммуникативных стратегий и тактик. В своих трудах лингвисты утверждают, что языковые единицы могут быть выбраны не только из-за официальных критериев,

определяющих политических дискурс, но и потому, что они эффективно подчеркивают или приуменьшают политические взгляды и мнения. Другими словами, структуры политического дискурса редко бывают исключительными, но «типичный и эффективный дискурс в политическом контексте вполне может иметь предпочитаемые структуры и стратегии, которые функциональны для адекватного осуществления политических действий в политическом контексте» [Van Dijk 1997: 12]. Данный подход позволяет рассматривать язык как значимый элемент политических процессов, основу для принятия рациональных решений.

Анализ. Местоимения являются важными социально-культурными маркерами и индикаторами характера отношений. Например, нормы русского речевого этикета требуют использования грамматической формы *Вы* в официальной ситуации, однако в зависимости от степени близости и теплоты отношений между говорящими допустимо использование обращения на *ты*. При этом обращение к посторонним на *ты* служит «признаком нелитературности речи и в таком случае не является обидным, или же производит впечатление намеренного желания грубо оскорбить и унижить собеседника» [Гвоздев 2018: 100].

Кроме того, местоимения могут быть «причислены к тем языковым средствам, которые создают каркас для вербализации ментальных категорий, выступая в качестве общих структурных элементов, скрепляющих семантическое, семиотическое и концептуальное пространства в коммуникативной и когнитивной деятельности человека» [Федюнева 2009: 126]. Обозначенная выше роль местоимений в организации смысловой структуры языка осуществляется благодаря их способности одновременно отражать область высших абстракций и множество конкретных реалий, что может быть обусловлено универсальными механизмами речемыслительной деятельности человека.

Поскольку политические телепередачи создают особую коммуникативную модель, когда в процессе дискуссии основным адресатом-наблюдателем являются зрители, то в таких условиях, преследуя цель привлечь внимание аудитории, выступающие делают свою речь особенно зрелищной.

В политическом дискурсе в большом количестве используются местоимения *Вы, ты*, которые можно рассматривать в качестве маркера метадискурса, направленного на построение отношений с аудиторией. Обращаясь к зрителям, эксперты и гости ток-шоу ведут воображаемый диалог, стремятся убедить или переубедить адресата коммуникативного процесса. Местоимения становятся способом выражения дружелюбия и позитивного внимания по отношению к аудитории, что приводит к сокращению дистанции между телезрителями и экспертами ток-шоу.

О. Л. Михалева, изучая специфику манипулятивного воздействия в политическом дискурсе, в работе «Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия» выделяет три основные стратегии: 1) стратегию на понижение; 2) стратегию на повышение; 3) стратегию театральности [Михалева 2009]. Обратимся к первым двум стратегиям, в которых местоимения приобретают особую систему свойств.

В стратегию на повышение, заключающуюся в стремлении говорящего представить объект в выгодном свете, поднять значимость и авторитетность его статуса, входят контактоустанавливающие тактики кооперации и солидаризации, ключевая роль отводится инклюзивным местоимениям, включающим адресата. В целях установления непосредственного контакта с аудиторией участники политического дискурса нередко употребляют в выступлениях местоимение *мы*. Частотное использование данного местоимения приводит не только к формированию более доверительных отношений между говорящим и аудиторией, но и к созданию в сознании адресата иллюзии вовлеченности в политический процесс. Местоимения способны вызывать у участников коммуникации чувство общности, что применяется в политическом диалоге как один из наиболее эффективных приемов воздействия на аудиторию, поскольку для достижения главной цели оратор должен не только привлечь внимание, но и обеспечить согласие со своей позицией. В связи с этим участники политической коммуникации регулярно используют обороты, которые подразумевают единство точек зрения (оратора и аудитории) на рассматриваемые события:

как мы все понимаем, мы с вами увидим, мы с вами знаем, как нам говорят и т. п.

Как было отмечено выше, для успешного проведения тактики создания семантического поля «Свои», когда группа лиц начинает думать о себе в обобщенном ключе, часто используются местоимения, объединяющие в семантике отправителя и получателя сообщения. С помощью местоимений *наше, мы* создается иллюзия коллективного выступления, выхода за рамки субъективного мнения, поскольку каждый человек мог бы подумать, решить или сказать то же самое. Данные местоимения как дейктические являются «самовыражением говорящего и одновременно в кванторной функции выражают общность всех людей вместе с говорящим в какой-либо ситуации» [Урунова 2020: 113].

Иллюстрацией может послужить высказывание эксперта, в котором благодаря использованию синтаксического параллелизма и повтора личного местоимения *мы* формируется коллективный адресант: *Она сегодня пытается любыми силами шантажировать всю Европу. Мы это понимаем, мы это видим* («60 минут», дневной выпуск. 2019. 19 сент.). Инклюзивное использование личного местоимения *мы* позволяет ведущей ток-шоу отождествлять себя с аудиторией, апеллировать к общей национальной, статусной и социальной принадлежности: *Сергей Анатольевич, ну, мы это говорим для своих русских людей. В самом деле ясно, что мы народ миролюбивый. Мы в свое время спасли планету* («60 минут», дневной выпуск. 2021. 21 дек.). Коммуникативная цель оратора состоит в формировании у аудитории положительного образа своей страны, для этого ведущая неоднократно использует в речи личное местоимение *мы*, обозначающее всех граждан Российской Федерации, а также притяжательное *своих*, что призвано сформировать в сознании адресата ощущение единения, общности с адресантом.

Наблюдаются в политическом контексте примеры субстантивации местоимений *мы, наши*, выступающих «как синонимы на базе ценностно значимого представления о «своем мире», что становится возможным исключительно благодаря утрате этими местоимениями своих первичных дейктических значений в системе языка» [Гранева

2013: 58–59]: *Это сразу впечатление полной информированности, вот тогда и сразу возникло ощущение того, что вся эта операция контролировалась нашими на всех этапах вообще* («60 минут», вечерний выпуск. 2020. 11 сент.). В приведенном фрагменте местоимение *наши* обозначает неопределенную концептуальную область «круга своих», совокупность россиян (жителей России), что обуславливает выражение национальных идеалов и ценностей.

При реализации тактики самопрезентации, коммуникативными приемами которой являются создание «своего круга», дистанцирование (от политических конкурентов и тех, кто с ними ассоциируется), нейтрализация негативного представления о себе и гипертрофирование «я-темы» [Мишланов, Нецветаева 2009: 8], личные местоимения оказываются наиболее эффективным средством убеждения. Например, акцентирование на местоимении 1-го лица ед. числа позволяет выступающему подчеркнуть свою роль в политическом процессе, установить личную связь с аудиторией и убедить ее в необходимости поддержки его действий:

Я недавно приехал в Минск и очень рад быть здесь. Для меня большая честь представлять правительство Соединенных Штатов и руководить посольством США до прибытия нового посла. После чего я стану заместителем главного министра. Я представлял Соединенные Штаты в Европе и Средней Азии, я посвятил многие годы изучению сложных политических отношений и экономического развития Европы как исследователь. А еще я муж и отец... («60 минут», вечерний выпуск. 2020. 3 авг.).

Местоимение *я* имеет референтное употребление, т. е. отсылает к индивиду, автору речи, создает впечатление того, что политик берет ответственность за свои слова и действия, а также обращается непосредственно к аудитории. Аналогично местоимение *я* используется для выражения высокой степени индивидуализации и укрепления авторитета личности в следующем контексте: *Я два года назад был в Армении, я до этого был в Киргизии, когда были события, видел реальных людей очень большого калибра* (Там же). В выступлении эксперт подтверждает собственную компетентность в обсуждении выбранной темы, аргументируя это имеющимся опытом.

Местоимение *я* в политическом дискурсе «помогает идентифицировать жанры и включается в определение риторического “почерка” политика. Личные местоимения в этом типе коммуникации – значимый ресурс манипуляции, причем для характеристики этапов политической деятельности важен факт конкуренции местоимений *я* и *мы*» [Синельникова 2020: 24]. Следовательно, местоимение *я* может быть использовано в манипулятивной стратегии в ситуации, когда оно заменяет более нейтральный вариант *мы*, благодаря чему создается впечатление, что говорящий единолично совершил какое-либо действие или же самостоятельно принял решение:

Я прекрасно помню, что тогда происходило в девяностые. Сам *я* был в команде с теми, кто всеми силами старался предотвратить катастрофу. И после *я* сделал все, что было в *моих* силах, чтобы другим жилось лучше и безопаснее («60 минут», дневной выпуск. 2019. 19 сент.).

В своей речи эксперт не отрицает, что был в составе группы, но при этом не называет конкретных имен, вместо этого представляет иных участников обобщенно с помощью указательного местоимения *теми* и придаточного предложения с союзным словом *кто*. Повторение личного местоимения *я* приводит к тому, что акцент смещается на фигуру говорящего, подчеркивается его принадлежность к описываемым событиям, фокус внимания аудитории сосредоточивается не на самом действии, а на той роли, которую сыграл политик.

Отдельно отметим, что в процессе одного политического диалога местоименные самореференции могут варьироваться в зависимости от того, какая референтная группа наиболее актуальна для каждого аргумента. Указанная двойственность дает возможность постоянно менять границы и в зависимости от интересов говорящего включать или исключать отдельных субъектов из круга «своих» и «чужих». Для достижения данных целей используются стилистические фигуры антитезы и контраста. Здесь действуют принципы исключения и включения, отражающие манипулятивный характер политической коммуникации, подстраивающейся под постоянные политические изменения.

Наиболее активно манипулятивный потенциал местоимений реализуется в тактике «свои—чужие», предполагающей поиск главного виновника всех проблем или постановку некоей общей цели для группы лиц, выделение соборного качества и построение оппозиций. Продуктивными средствами создания оппозиции «свои—чужие» являются указание на незаконную деятельность «чужих», направленную против «своих», акцентирование внимания аудитории на факторе соперничества между двумя группами.

Для успешного проведения данной тактики нередко применяется модель *мы—они*: с помощью местоимения *мы* говорящий передает «то содержание, которое попадает в ментальную рамку позитивного и, значит, “своих” оценок, мнений, поведения» [Чернявская 2012: 45–46], а с помощью *они* — «то, которое отсекается за рамку как “чужое”, ненужное, несущественное, враждебное, ошибочное» [Там же].

Например, в речи одного из экспертов исследуемого ток-шоу тактика «свои—чужие» реализуется путем неоднократного повторения местоимений *мы—они*, что позволяет говорящему представить действия и решения представителей «своей» группы как единственно верную реакцию на поведение группы «чужих»:

И они будут утверждать, что у нас не демократичная пресс-конференция первого лидера? *И они* теперь удивляются, почему *мы* требуем письменных гарантий. Да именно потому, что *мы* уже знаем цену их устных слов: *они* потом будут это отрицать («60 минут», вечерний выпуск. 2021. 24 дек.).

Еще одним примером использования противопоставления *мы—они* при проведении тактики «свои—чужие» является следующее высказывание ведущей:

Они нас так видят: кровожадные, агрессивные, коварные, а *мы* видим, что *они* пытаются продолжать создавать у своего обывателя отрицательный образ России, который уходит в столетия («60 минут», вечерний выпуск. 2021. 24 дек.).

В приведенном текстовом фрагменте местоимением *мы* оратор обозначает всех, кого объединяет с собой, как следствие в речи актуализируются значения ‘один народ’, ‘жители одной страны’, ‘единомышленники’. Местоимением *они*, наоборот, обозначает представителей оппозиционной

группы и всех лиц, объединяемых с ними и противопоставляемых выступающему, что способствует актуализации у местоимения таких сем, как ‘чужой’, ‘неправильный’, ‘посторонний’.

Местоимения играют важную роль в политической коммуникации, поскольку они позволяют скрыть субъект высказывания, что оказывается существенным для проведения тактики безличного обвинения. Раскрываемая мысль в таких случаях не соотносится с каким-либо конкретным лицом, а точка зрения одного человека или ограниченной группы становится образом общественного объективного мнения.

Так, в следующем высказывании эксперт ток-шоу описывает виновников, которые воспользовались ситуацией, обобщенно через местоимения *они, кто* и словосочетание *враги России*, представляющее собой словесный ярлык:

На самом деле нужно было выстраивать отношения совершенно по-другому, и, конечно же, этим воспользовались *те, кто является врагами России* («60 минут», вечерний выпуск. 2020. 3 авг.).

В приведенном контексте указания на объект, которое дает говорящий, недостаточно для идентификации, а референтом именной группы *те, кто является врагами России* выступает совокупность объектов, которая ограничивается лишь семантикой предиката *является врагами России*.

Устранение лица из контекста в политическом дискурсе часто используется в целях маскировки, для того чтобы о подробностях можно было говорить открыто, как о чем-то постороннем. В политической коммуникации наблюдаются случаи, когда говорящий намеренно использует слишком много дейктических выражений, так что иногда оказывается невозможным определить референт каждого из них, а содержание высказывания становится размытым. В таких случаях можно говорить об «аномальной избыточности в употреблении дейктических элементов» [Калашова 2013: 12]. Обычно подобное употребление связано с коммуникативными намерениями говорящего через редуцированное объяснение скрыть один из аспектов анализируемой ситуации, предоставить информацию не в полном виде, уменьшить

(или преувеличить) значение каких-либо фактов.

В качестве иллюстрации приведем речевой фрагмент, в котором из-за избыточного количества дейктических элементов нарушается логика и возникает смысловая неопределенность:

Эти документы, *эти* факты, конечно, подтверждают *то*, что мы в вашей студии говорили изначально. Что очень важно, на что сегодня еще не обратили внимание, — это указание дат. Когда все это происходило, и тут очень важна вот *та* версия, которую сейчас озвучивают их противники. Она тоже рассыпается. А что показали наши представители спецслужб? То, что билеты Минск—Стамбул были сданы 20 июля, а *то* самое совещание, на котором якобы *кто-то* там позвонил, после которого якобы *кто-то* позвонил русским, *то* было лишь доказательством их полной несостоятельности («60 минут», вечерний выпуск. 2020. 11 сент.).

Поскольку события и факты, к которым апеллирует говорящий, были озвучены ранее, то предполагается, что аудитории следует обратиться к уже известной информации, однако избыточное использование указательных местоимений делает выступление сложным для восприятия. В речи эксперта именные группы получают слабоопределенный референциальный статус (*кто-то там позвонил, кто-то позвонил русским*): неопределенное местоимение *кто-то* имеет значение 'неизвестно какой человек; некто', а в сочетании с модальной частицей *якобы*, указывающей на сомнения говорящего в достоверности сведений, приобретает отрицательное значение 'никто'. Можно говорить о том, что подобная неопределенность в описании объекта становится доказательством его отсутствия, иными словами, эксперт убеждает зрителя, что ситуация, представленная оппозицией, в действительности не происходила.

Следует отметить, что местоимения в политическом дискурсе могут использоваться не только как средство создания чувства единства и солидарности, противопоставления групп «своих» и «чужих», но и как показатель умаления значимости — «идентификатор нижнего уровня» [Шейгал 2004: 165–166]. Значения «обезразличивающей неопределенности» и «обезразличивающего обобщения», выражаемые местоимениями *всякие, разные, какой-нибудь там*, выводят

референт за пределы круга «своих» и тем самым, по мнению Е. И. Шейгал, «индуцируют коннотацию пейоративного отчуждения» [Там же]. Таким образом, «умаление значимости превращается в принижение и унижение, что, в свою очередь, оборачивается отстранением и отчуждением» [Там же].

Например, местоимение *какой* в риторических вопросах может служить презрительным выражением категорического отрицания:

Тихановский у вас же блогер, ну и Тихановская — блогер. Вот там были картье-бугатти. *Какая Тихановская?! Какой кандидат?!* Знать никто не знал! («60 минут», вечерний выпуск. 2020. 3 авг.).

В анализируемом фрагменте речь эксперта направлена на умаление авторитета кандидата в президенты Республики Беларусь, в качестве аргумента применяются приемы упрощения ситуации и введение в отрицательно оцениваемый ассоциативный ряд: образ объекта критики уподобляется блогеру, что имплицитно указывает на непрофессионализм и незначительность данной политической фигуры. В риторических вопросах *Какая Тихановская?! Какой кандидат?!* местоимения *какая, какой* употребляются с целью отрицания значимости лица и коррелируют с разрядом отрицательных местоимений (*никакая, никакой*).

В качестве еще одного примера использования местоимения в стратегии на понижение, нацеленной на ослабление позиции политического противника или выражение негативного отношения к предмету дискуссии, приведем фрагмент выступления, в котором определительное местоимение *всякий* в сочетании с нарицательным существительным, образованным от имени собственного (Владимир Владимирович Макей — белорусский государственный деятель), приобретает пренебрежительный оттенок:

Несколько раз его пытались туда притянуть — вдруг понравится. Он всегда говорил: «Ребят, я шо, идиот?», — он так примерно говорил — а там другие есть *всякие макеи и всякие другие группировки*, которые могли вкинуть в эту парадигму («60 минут», вечерний выпуск. 2020. 3 авг.).

В качестве маркеров умаления значимости или проявления пренебрежения

к референту высказывания также могут использоваться указательные местоимения, нередко сочетающиеся с обезличивающими единицами, называющими предельно широкие группы (*женщина, человек, субъект, лицо*):

Я думаю, Соединенное Королевство ждёт очень большие проблемы, если *эта женщина* станет министром Великобритании. Она опасна прежде всего для Соединенного Королевства («60 минут», вечерний выпуск. 2022. 20 июля);

Не то, что *эта американская Каспел*. Но все-таки давайте не разводите здесь сексизм («60 минут», вечерний выпуск. 2022. 27 июня).

Встречаются в политическом дискурсе высказывания, в которых референт заменяется неодушевленными вопросительными местоимениями, переводящими отношение к нему в плоскость 'не человек': *Да что ты вообще такое? Мерзавец, подобное невозможно простить или забыть* («60 минут», дневной выпуск. 2019. 19 сент.). В приведенном примере говорящий использует вопросительное местоимение *что* по отношению к лицу, фамильярное для политической коммуникации обращение *ты*, а также относительное местоимение в форме среднего рода *такое*, которые придают уничижительный оттенок всему высказыванию и участвуют в реализации тактики дискредитации.

Выводы. Подводя итоги, следует отметить, что местоимения играют особую роль в процессе создания политической картины мира и имеют большой манипулятивный потенциал. В ток-шоу «60 минут» слова исследуемого грамматического класса выполняют функцию речевого воздействия, участвуя в реализации стратегий на повышение и понижение, тактик самопрезентации, кооперации, безличного обвинения, дискредитации, в создании оппозиции «свой–чужие». Местоимения позволяют участникам политической коммуникации обращаться к аудитории непосредственно и лично, формируя более доверительную связь с массовым адресатом, играют роль в укреплении идентичности и установлении принадлежности к определенной группе, в усилении авторитета. Употребление местоимений может быть направлено и на дискредитацию оппонентов, создание негативных ассоциаций в отношении группы

«чужих». Выбор местоимений также влияет на тон и характер политического диалога.

Таким образом, местоимения как лингвистический инструмент действительно обладают большим манипулятивным потенциалом и могут использоваться в политическом дискурсе для формирования определенных образов и впечатлений в умах аудитории. Данный аспект риторики и функциональной лингвистики стоит внимательно анализировать при изучении политической речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. В.* Грамматические пережитки местоимений как особой части речи в современном русском языке // *Виноградов В. В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 2001. С. 264–282.
2. *Вольф Е. М.* Грамматика и семантика местоимений. М.: Наука, 1969. 224 с.
3. *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М.: ФЛИНТА, 2018. 576 с.
4. *Гранева И. Ю.* Субстантивация и лексикализация местоимения *наши* в аспекте языковой концептуализации мира // *Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского*. 2013. № 6(2). С. 58–60.
5. *Дейк ван Т. А.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
6. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 284 с.
7. *Калашова А. С.* Лингвопрагматические особенности референции дейктических элементов в политическом дискурсе // *Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. Раздел I: Теоретические вопросы общего языкознания*. 2013. № 5. С. 6–13.
8. *Карамова А. А.* Манипулятивный потенциал грамматических средств в современном политическом дискурсе // *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева*. 2016. Т. 1, № 3. С. 84–90.
9. *Карасик В. И.* О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр.* Волгоград, 2000. С. 5–20.
10. *Лаврова С. Ю.* Концептуальный статус нереперентного употребления местоимений в литературно-критическом дискурсе писателя-беллетриста XIX века Н. Д. Ахшарумова // *Научный диалог*. 2020. № 1. С. 97–111.
11. *Михалева О. Л.* Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

12. Мишланов В. А., Нецветова Н. С. Коммуникативные стратегии и тактики в современном политическом дискурсе (на материале политической рекламы предвыборных кампаний 2003, 2007, 2008 гг.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2009. № 6. С. 5–13.

13. Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.

14. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.

15. Плотникова С. Н., Шавалиева Е. Б. Мета-дискурс в пространстве разговорного дискурса // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16, № 1. С. 154–162. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.16>.

16. Радбиль Т. Б. Человеческий фактор в языке: лингвистическая прагматика и теория речевых актов (Основные термины и понятия). Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2006. 60 с.

17. Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.

18. Синельникова Л. Н. Дискурсивная семантика личных местоимений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 21–28. <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2829>.

19. Скрипаль А. А. Метафора как характеристика политического дискурса // Вестник ВолГУ. 2011. Вып. 9. Серия 9: Исследования молодых ученых. С. 36–38.

20. Сульниченко В. Н. Алгоритмическая технология овладения лексико-семантическими и грамматическими нормами употребления местоимений. Ч. I: Контекстуально-заместительная функция местоимений // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 5. С. 29–35. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-5-29-3>.

21. Урунова Р. Д. Местоимения как средство эмоционального воздействия на аудиторию в процессе агитации // Вестник международного института рынка. Самара, 2020. № 52. С. 109–117.

22. Федюнева Г. В. Местоимения в контексте когнитивной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2009. № 3. С. 124–128.

23. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 128 с.

24. Чесноков П. В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 1992. 167 с.

25. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 440 с.

26. Van Dijk T. A. What is political discourse analysis? // Political linguistics. 1997;11(1):11–52. <https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij>.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. Grammatical vestiges of pronouns as a special part of speech in the modern Russian language. *Vinogradov V. V. Russkii yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove = Russian language: grammatical doctrine of the word*. Moscow: Vysshaya shkola, 2001. P. 264–282. (In Russ.)

2. Vol'f E. M. Grammar and semantics of pronouns. Moscow: Nauka Publ., 1969. 224 p. (In Russ.)

3. Gvozdev A. N. Essays on the stylistics of the Russian language. Moscow: Flinta, 2018. 576 p. (In Russ.)

4. Graneva I. Yu. The substantivization and lexicalization of the pronoun "nashi" ("our") in the aspect of language conceptualization of the world. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2013;6(2):58–60. (In Russ.)

5. Dijk van T. A. Discourse and power: representation of dominance in language and communication / trans. from Engl. Moscow: Librokom, 2013. 344 p. (In Russ.)

6. Issers O. S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. 5th ed. Moscow: LKI Publ., 2008. 284 p. (In Russ.)

7. Kalashova A. S. Linguo-pragmatic features of deictic elements reference in political discourse. *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika = Vestnik of MRSU. Series: Linguistics*. 2013;(5):6–13. (In Russ.)

8. Karamova A. A. Manipulative potential of grammatical means in modern political discourse. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2016;1(3):84–90. (In Russ.)

9. Karasik V. I. About types of discourse. *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs: sb. nauch. tr. = Language personality: institutional and personal discourse: a collection of scientific works*. Volgograd: Peremena Publ., 2000. P. 5–20. (In Russ.)

10. Lavrova S. Yu. Conceptual status of non-reference use of pronouns in the literary and critical discourse of the 19th century writer N. D. Akhsharumov. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*. 2020;(1):97–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-1-97-111>.

11. *Mikhaleva O. L.* Political discourse: specifics of manipulative influence. Moscow: Librokom, 2009. 256 p.
12. *Mishlanov V. A., Netsvetaeva N. S.* Communicative strategies and tactics in modern political discourse (basing on the political advertisements of the election campaigns of 2003, 2007, 2008). *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya = Perm University Herald. Russian and Foreign Philology.* 2009;(6):5–13. (In Russ.)
13. *Paducheva E. V.* Expression and its correlation with reality (Referential aspects of the semantics of pronouns). Moscow: Nauka Publ., 1985. 272 p. (In Russ.)
14. *Peshkovsky A. M.* Russian syntax in scientific illumination. 8th ed., enlarged. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. 544 p. (In Russ.)
15. *Plotnikova S. N., Shavalieva E. B.* The role of metadiscourse in the conversational discourse space. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie = Science Journal of VolSU. Linguistics.* 2017;16(1):154–162. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.16>.
16. *Radbil T. B.* Human factor in language: linguistic pragmatics and the theory of speech acts (Basic terms and concepts). Nizhny Novgorod: Lobachevsky UNN Press, 2006. 60 p. (In Russ.)
17. *Seliverstova. O. N.* Pronouns in language and speech. Moscow: Nauka Publ., 1988. 151 p. (In Russ.)
18. *Sinelnikova L. N.* Discourse semantics of personal pronouns. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i Mezhhkul'turnaya Kommunikatsiya = Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication.* 2020;(2):21–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2829>.
19. *Skripal A. A.* Metaphor as a characteristic of political discourse. *Vestnik VolGU. 2011. Vyp. 9. Seriya 9: Issledovaniya molodykh uchenykh = Science Journal of Volgograd State University. Young Researchers' Work.* 2011;(9):36–38. (In Russ.)
20. *Sulnichenko V. N.* Algorithmic technology of mastering the lexico-semantic and grammatical norms of pronominal usage. Part 1: The contextual-substitutional function of pronouns. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2022;83(5):29–35. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-5-29-35>.
21. *Urunova R. D.* Pronouns as a means of emotional influence on the audience in the process of campaigning. *Vestnik mezhdunarodnogo instituta rynka = Bulletin of the International Market Institute.* 2020;(52):109–117. (In Russ.)
22. *Fedyuneva G. V.* Pronouns in the context of cognitive linguistics. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology.* 2009;(3):124–128. (In Russ.)
23. *Chernyavskaya V. E.* Discourse of power and power of discourse: problems of speech impact. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2012. 128 p. (Russ.)
24. *Chesnokov P. V.* Grammar of the Russian language in the light of the theory of semantic forms of thinking. Taganrog: Taganrog State Pedagogical Institute Press, 1992. 167 p. (In Russ.)
25. *Sheigal E. I.* Semiotics of political discourse. Moscow: Gnosis, 2004. 440 p. (In Russ.)
26. *Van Dijk T. A.* What is political discourse analysis? *Political Linguistics.* 1997;11(1):11–52. (In Engl.) <https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Маргарита Михайловна Бинштейн, аспирант

Надежда Александровна Самыличева, кандидат филологических наук, доцент

Margarita M. Binshtein, Graduate Student

Nadezhda A. Samylicheva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 08.12.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 25.01.2024.

The article was submitted 08.12.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 25.01.2024.